

В. В. Марчук

ПРАКТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

Введение. В формальной логике законом мышления или формально-логическим законом называют необходимую существенную связь мыслей в процессе рассуждения [1, с. 20]. Известно, что формально-логические законы применяются во многих сферах научной и практической деятельности. Для квалификации преступлений как достаточно сложного познавательного процесса формально-логические законы приобретают особое значение, поскольку в этих законах сформированы требования правильного мышления. Практическую значимость формально-логических законов для процесса квалификации преступлений отмечали многие ученые, исследовавшие логические аспекты квалификации преступлений: А. А. Старченко [2], М. С. Строгович [3, с. 35–56], В. Н. Кудрявцев [4, с. 139–160; 5, с. 55–56], А. С. Новиченко [6], Г. А. Левицкий [7, с. 14–22], Б. А. Кожемякин [8], Ю. Ю. Соковых [9], А. А. Тер-Акопов [8; 10], А. В. Корнеева [11, с. 20–23] и др. Некоторые зарубежные правоведы обозначали в обобщенном виде допускаемые в правоприменительной практике ошибки, связанные с нарушением законов логики [10, с. 125–131; 12, с. 91–103; 13]. Вместе с тем в отечественной доктрине и судебной практике вопросы соблюдения формально-логических законов логики в процессе квалификации преступлений фактически остаются без внимания. Целью предлагаемой статьи является изучение на основе материалов судебной практики Республики Беларусь вопроса о соблюдении при квалификации преступлений основных формально-логических законов.

Основная часть. Законы правильного мышления были обозначены еще в Древней Греции. Аристотель сформулировал три логических закона: закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего [14]. Позднее был сформулирован четвертый закон – закон достаточного основания. В настоящее время в логике выделяют и иные формально-логические законы: закон обратного отношения между объектом и содержанием понятия [1, с. 7], закон удаления двойного отрицания [15, с. 32] и др. Однако основными формально-логическими законами признают четыре первых указанных закона.

Эти законы имеют силу для всех форм мысли и выступают условиями правильности мышления.

Закон тождества требует, чтобы в ходе рассуждения о чем-либо объем и содержание мыслей оставались неизменными до конца рассуждения [16, с. 115; 17, с. 82–83], всякое высказывание должно быть эквивалентным (тождественным) самому себе, должно согласовываться с самим собой [15, с. 32]. Закон тождества, как правильно отметил М. С. Строгович, представляет собой «логическое основание всякого утверждения» [3, с. 38].

Нарушения закона тождества свидетельствуют о логических ошибках. К таким логическим ошибкам в литературе относят подмену понятия [1, с. 21; 17, с. 115] и подмену тезиса [10, с. 125–127; 12, с. 93]. Изучение судебной практики показывает, что, к сожалению, указанные логические ошибки являются достаточно распространенными.

При квалификации преступления подмена понятия выражается в том, что лицо, ведущее уголовный процесс, для оценки соответствующего события использует вместо требуемого понятия иное, как правило, сходное понятие. Например, в судебной практике нередки случаи, когда незаконная переноска наркотического средства рассматривается как незаконная перевозка.

Действия Н. по переноске наркотического средства (метадон весом 0,0189 г) с квартиры дома к другому подъезду этого же дома, где был сбыт наркотик, суд Центрального района г. Минска квалифицировал как перевозку [18, с. 43].

Вместе с тем Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил, что незаконная перевозка наркотических средств представляет собой перемещение их в пространстве с использованием какого-либо транспортного средства [19]. Таким образом, незаконная переноска наркотического средства хотя и предполагает его перемещение в пространстве, но не является перевозкой. Незаконная переноска не предусмотрена в ст. 328 УК в качестве альтернативного преступного деяния. В рамках ст. 328 УК незаконную переноску наркотического средства следует рассматривать как частный случай незаконного хранения соответствующего предмета.

Подмена тезиса – логическая ошибка в процессе доказательства, когда доказывается или опровергается не выдвинутое положение, а другое, и вывод распространяется на это положение [10, с. 126].

Е. был осужден за заведомо ложный донос, совершенный из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 400 УК). По данному делу суд правильно установил признаки основного состава ложного доноса. Е., будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, обратился в органы внутренних дел с заявлением о привлечении К. к ответственности за угон автомашины. Между тем суд установил, что Е. 22 июня 2002 г. добровольно передал право управления своим автомобилем К., который совершил ДТП и повредил автомобиль, причинив Е. ущерб на сумму, эквивалентную 350 долларам США. Такое поведение Е. было обусловлено стремлением получения от родителей К. суммы ущерба, причиненного повреждением автомобиля. Данных о том, что Е. при этом стремился извлечь для себя или близких выгоду имущественного характера либо намеревался избавить себя или близких от материальных затрат, судом не было установлено. Поэтому в действиях Е. отсутствовал квалифицирующий признак заведомо ложного доноса, совершенного из корыстных побуждений [20].

В данном случае цель возмещения ущерба, которым руководствовалось виновное лицо, была подменена корыстным побуждением.

Закон тождества непосредственно связан с законом непротиворечия. Сущность закона непротиворечия в науке логики формулируется следующим образом: два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете мысли, а в другом то же самое отрицается об этом же предмете мысли, не могут быть сразу истинными, если эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении [21, с. 134; 22, с. 149; 23, с. 297–305]. В формальной логике встречается иное название данного закона: «закон противоречия» [15, с. 32; 21, с. 133; 22, с. 149–152; 23, с. 297–305; 24, с. 98–99]. Но представляется, что название – «закон непротиворечия» – точнее выражает его сущность, оно узаконивает необходимость непротиворечивости мышления в процессе познания.

Закон непротиворечия выражает в отрицательной форме ту мысль, которая в положительной форме выражена в законе тождества: если А есть А (закон тождества), то А не есть не-А (закон непротиворечия) [3, с. 39]. В логике применение закона непротиворечия связывают с неперменным соблюдением ряда условий: 1) сравниваемые суждения должны относиться к одному и тому же предмету; 2) эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении; 3) сравниваемые суждения должны

быть несовместимыми. Суть первых двух указанных условий не вызывает особых затруднений в понимании. Проблемным является понимание третьего условия. Изучение научной литературы показывает, что среди ученых-логиков и правоведов, исследовавших законы логики для целей юриспруденции, не наблюдается единства относительно определения круга несовместимых суждений, которые составляют основу для применения логического закона непротиворечия.

В логике выделяют два вида несовместимых суждений: противоположные и противоречащие. Противоположными (контрарными) являются суждения, в одном из которых что-либо утверждается, а в другом то же самое отрицается о каждом предмете некоторого множества. Эти суждения одновременно не могут быть истинными, но могут быть одновременно ложными. При ложности же одного из противоположных суждений другое остается неопределенным – оно может быть как истинным, так и ложным. Противоречащими (контрадикторными) являются суждения, в одном из которых что-либо утверждается (или отрицается) о каждом предмете некоторого множества, а в другом – отрицается (или утверждается) о некоторой части этого множества. Эти суждения одновременно не могут быть ни истинными, ни ложными. Для противоречия характерна строгая или альтернативная несовместимость: при истинности одного из суждений другое всегда будет ложным; при ложности первого другое будет истинным [1, с. 23, 90; 25, с. 80–83]. В логике противоречащие суждения признаются полностью несовместимыми, а противоположные суждения – частично несовместимыми. Частичная несовместимость противоположных суждений предполагает возможность их «совместимости только по лжи» [26, с. 137–138]. Некоторые авторы считают, что закон непротиворечия (противоречия) действует в отношении сравниваемых противоречивых суждений [15, с. 32], другие – только в отношении сравниваемых противоположных суждений [10, с. 127; 11, с. 22; 12, с. 95; 17, с. 48; 21, с. 134], третьи – в отношении всех несовместимых суждений, как противоположных, так и противоречащих [1, с. 23–25; 16, с. 116; 22, с. 150; 23, с. 298; 27, с. 62; 28, с. 163]. Представляется, что логический закон непротиворечия может быть использован при сопоставлении только противоположных суждений. В противном случае возникнут трудности в понимании формально-логического закона исключенного третьего, суть которого в логике определяется следующим образом: из двух противоречащих суждений одно обязательно истинно, две противоречащие друг другу мыс-

ли не могут быть одновременно истинными, но они не могут быть и одновременно ложными [17, с. 49–50; 22, с. 152]. Это означает, что закон исключенного третьего не действует между противоположными суждениями.

При применении формально-логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступлений важно понимать, что противоположные суждения не могут быть вместе истинными, однако они могут быть одновременно ложными. И в этом их отличие от противоречащих суждений.

На необходимость соблюдения требований формально-логического закона непротиворечия обращает внимание законодатель во многих нормах УПК. Буквально в одной из первых норм УПК – ч. 3 ст. 1 содержится следующее правило: «В случае противоречия между нормами настоящего Кодекса и Конституцией Республики Беларусь действуют положения Конституции». В целях устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц ст. 222 УПК предоставляет следователю или дознавателю право провести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. При наличии существенных противоречий между показаниями обвиняемого, данных при досудебном производстве, и показаниями, данными в судебном заседании, п. 1 ст. 328 УПК предусматривает возможность оглашения показаний обвиняемого, а также воспроизведения звукозаписи его показаний, видеозаписи или кино съемки допроса. При проведении судебного следствия аналогичная возможность оглашения показаний в судебном заседании предусмотрена и п. 1 ч. 2 ст. 333 УПК, если усматриваются существенные противоречия между показаниями потерпевшего и свидетеля, данными при досудебном производстве, и показаниями, данными в судебном заседании. Согласно ст. 390 УПК приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, в частности, если при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не было указано, по каким основаниям суд принял одно из этих доказательств и отверг другие доказательства либо выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, на правильность применения уголовного закона или определение меры наказания.

К сожалению, требования ст. 390 УПК не всегда соблюдаются в практике. Показательным является следующее дело:

К. был признан виновным в незаконных с целью сбыта приобретения, хранении, перевозке и незаконном сбыте наркотических средств. В подтверждение виновности осужденного суд сослался на показания свидетеля Б., выступавшего покупателем наркотического средства, показания сотрудников органов внутренних дел, проводивших оперативные эксперименты, а также показания понятых, участвовавших при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Но приведенные доказательства имели ряд существенных противоречий, которые при рассмотрении дела судом не были выяснены. Например, из обоих протоколов оперативных экспериментов следовало, что лицо, продавшее Б. наркотическое средство, стояло спиной к автомобилю, в которой находилась оперативная группа, поэтому разглядеть данное лицо не представлялось возможным. В то же время сотрудники органов внутренних дел утверждали, что обвиняемый – это тот самый парень, который продавал наркотическое средство Б. На чем основан их вывод, судом не было выяснено. По материалам дела не было также ясно, по каким признакам понятые определили, что наркотическое средство продавал именно К. (оперативный эксперимент проводился в темное время суток). При рассмотрении этого дела не были учтены показания свидетелей Т. и М., а также самого подсудимого К. о том, что К. не мог находиться 2 ноября 2005 г. в месте проведения оперативного эксперимента, поскольку в этот период времени проводил вечер в доме М. Кроме того, судом с достоверностью не было выяснено, представлены ли были на экспертизу именно те объекты, которые были получены при проведении оперативных экспериментов, хотя описание пакетов и свертков, якобы добровольно выданных Б., не в полной мере соответствует описанию объектов, поступивших для производства экспертизы. При таких обстоятельствах президиум Витебского областного суда по протесту заместителя Председателя Верховного Суда отменил приговор суда Октябрьского района г. Витебска в отношении К. [29, с. 39].

Закон непротиворечия связан с другим формально-логическим законом – законом исключенного третьего. Суть закона исключенного третьего была сформулирована еще Аристотелем: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами

противоречия, а относительно чего-то одного необходимо, что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [14, с. 141].

При квалификации преступлений закон исключенного третьего служит решению важной правоприменительной задачи: подпадает ли соответствующее поведение под признаки соответствующего вида поведения, описанного в уголовно-правовой норме. А. А. Тер-Акопов по этому поводу верно отметил: «Фактически процесс квалификации преступлений состоит из последовательного применения закона исключенного третьего на каждом этапе квалификации: является данное лицо субъектом данного преступления или нет, совершено преступление умышленно или нет... и т. д.? По этому закону строится, как видим, программа квалификации преступлений» [10, с. 129].

На принципе «или-или» («либо-либо») основан, по сути, весь процесс квалификации преступлений. Следственная и судебная практика постоянно сталкивается с альтернативами: имело место общественно опасное деяние или не имело, находился на месте преступления подозреваемый или не находился, виновно или невиновно лицо, совершившее соответствующее деяние, были в наличии или нет иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 88 УПК орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. И ничего третьего здесь не предполагается.

Применение закона исключенного третьего в процессе квалификации преступлений требует от правоприменителя глубоких знаний уголовно-правовых признаков соответствующих видов преступлений и критериев, позволяющих провести отграничение между смежными или сходными преступлениями. Пробелы в знаниях неизбежно влекут логические ошибки в выборе уголовно-правовой нормы, подлежащей применению.

По приговору Гродненского областного суда Б. признан виновным в том, что после совместного распития спиртных напитков избил несовершеннолетнюю М. и, используя ее беспомощное состояние, изнасиловал. Непосредственно после изнасилования Б. подверг потерпевшую избитию руками, ногами и палкой, а затем затащил ее в реку, опустил голову в воду и, наступив ногой на шею, удерживал под водой до тех пор, пока потерпевшая не скончалась на месте преступления. Содеянное Б. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 166 УК, п. 2, 6, 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК. Квалифицируя совершенное Б. убийство как со-

пряженное с изнасилованием и с целью скрыть другое преступление (п. 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК), суд мотивировал это тем, что убийство потерпевшей он совершил, как достоверно установлено по делу, непосредственно после изнасилования и с целью его сокрытия. Такую квалификацию действий Б. (п. 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК) нельзя признать обоснованной, поскольку суд тем самым установил, что потерпевшая лишена жизни дважды: один раз в процессе совершения изнасилования и второй раз – с целью сокрытия этого преступления [30, с. 45–46].

Противоречивость квалификации преступления в данном случае можно было разрешить только с использованием логического закона исключенного третьего.

Противоречивые суждения достаточно часто формулируются в соответствующих процессуальных решениях, выносимых органами, ведущими уголовный процесс. Установление истины в кассационной или надзорной судебной инстанции фактически происходит при использовании формально-логического закона исключенного третьего.

Органами предварительного следствия Л. обвинялся в том, что при следовании на автомашине к месту службы в караул не обеспечил сохранность выданного ему для служебного пользования снаряженного 30 боевыми патронами магазина к автомату АК-74, что привело к утрате магазина. Но приговором Борисовского межгарнизонного военного суда от 10 июля 2000 г. рядовой Л. оправдан по п. «г» ст. 239 УК 1960 г. за отсутствием в его действиях состава преступления. Оправдывая Л., суд указал, что Л. правила сбережения магазина и боеприпасов не нарушил, а его утрата стала следствием стечения случайных обстоятельств: движение автомашины по ухабистой дороге, изношенность подсумка, а также наличие щели между бортом и тентом в месте расположения Л. в кузове автомашины. Но при рассмотрении дела по протесту заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь военная коллегия Верховного Суда протест удовлетворила, указав следующее. Утрата Л. магазина с 30 боевыми патронами явилась следствием грубого нарушения им требований ст. 96 Временного Устава гарнизонной и караульной служб, ст. 13 и 159 Временного Устава внутренней службы, а также приказа Министра обороны Республики Беларусь № 300 от 27 мая 1996 г., обязывающих военнослужащих обеспечивать сохранность вверенных им для служебного пользования вооружения и военного имущества [31, с. 45–46].

Грубым нарушением закона исключенного третьего является применение в практике избыточной квалификации. Так называемая квалификация с запасом достаточно часто проявляется при вменении обвиняемому идеальной совокупности преступлений, хотя для этого «третьего было не дано».

По приговору суда К. был признан виновным в умышленных действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, сопровождающихся применением насилия, совершенных с применением предметов, используемых в качестве оружия, а также в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни, совершенном из хулиганских побуждений, и осужден по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК. Заместителем Председателя Верховного Суда в президиум Гомельского областного суда был принесен протест об изменении приговора суда первой инстанции – исключении из него указания об осуждении К. по ч. 3 ст. 339 УК. По данному делу суд, правильно установив фактические обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, дал ему неверную юридическую оценку. Материалы дела показывали, что К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, во дворе жилого дома из хулиганских побуждений нанес один удар А. в область лица, после чего тот упал на землю. Продолжая свои преступные действия, К. нанес потерпевшему не менее десяти ударов деревянной палкой по различным частям тела, причинив ему телесные повреждения, относящиеся к категории тяжких по признаку опасности для жизни. Как было видно из обвинения, предъявленного К. и признанного доказанным судом, одни и те же противоправные действия осужденного были квалифицированы дважды: по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК [32, с. 35–36].

По данному делу квалификация действий осужденного по ч. 3 ст. 339 УК была излишней, поскольку умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное из хулиганских побуждений, не образует идеальной совокупности преступлений.

В процессе квалификации преступлений особое значение приобретает формально-логический закон достаточного основания. В формальной логике сущность этого закона определяют следующим образом: всякая законченная мысль может считаться истинной только в том случае, если известны достаточные основания, в силу которых

она считается истинной (т. е. всякая истинная мысль должна иметь достаточное обоснование) [1, с. 26; 16, с. 117; 21, с. 141; 22, с. 155].

Требования формально-логического закона достаточного основания относительно обоснованности суждений и его функциональная направленность на поиск нужных оснований имеют непосредственное отношение к квалификации преступлений. Положения о доказанности, обоснованности, мотивированности выносимых решений закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь в качестве основополагающих начал уголовного процесса. Так, в соответствии со ст. 36 УПК Республики Беларусь следователь обязан принимать все меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела; осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления. Согласно ч. 7 ст. 105 УПК достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. При этом все сомнения в обоснованности предъявленного обвинения в соответствии со ст. 16 УПК толкуются в пользу обвиняемого.

Требование о «достаточном обосновании» формулируется уголовно-процессуальным законом на разных стадиях производства по уголовному делу. Пункт 1 ст. 167 УПК в качестве основания к возбуждению уголовного дела называет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Статья 240 УПК основанием для вынесения постановления о привлечении соответствующего лица в качестве обвиняемого называет наличие достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления. Одним из важных вопросов, подлежащих разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд, согласно п. 3 ст. 263 УПК, является вопрос о том, обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в уголовном деле доказательствами. В соответствии со ст. 350 УПК важным требованием, предъявляемым к приговору, является его обоснованность. Приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании. Согласно ч. 1 ст. 356 УПК обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность

обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Приговор не может быть основан на предположениях.

К сожалению, процессуальные решения, выносимые органами, ведущими уголовный процесс, не всегда достаточно мотивированы, в них отсутствуют обоснование квалификации преступления и юридическая аргументация принятого решения. На этот негативный момент правоприменительной деятельности неоднократно обращалось внимание высшей судебной инстанцией Республики Беларусь [33; 34].

Как показывает практика, закон достаточного основания часто нарушается при установлении и оценке фактических обстоятельств дела.

По приговору районного суда, с которым согласилась кассационная инстанция, Ш. осужден по ч. 2 ст. 339 УК. Он признан виновным в совершении злого хулиганства, сопряженного с причинением менее тяжкого телесного повреждения.

Президиум Минского городского суда 28 декабря 2006 г. по протесту заместителя Председателя Верховного Суда приговор изменил по следующим основаниям. Виновность Ш. в причинении потерпевшему Я. менее тяжких телесных повреждений подтверждается собранными по делу доказательствами. Вместе с тем вывод суда о том, что эти действия совершены по хулиганским мотивам, не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Так, Ш. показал, что ночью, проходя по улице в г. Минске, его внимание привлекла нецензурная брань нетрезвого парня в адрес девушки, при этом парень размахивал руками. Подойдя к ним, он сделал парню замечание, стал выяснять у девушки, не нужна ли ей помощь, и она ответила утвердительно. В результате между ним и парнем произошла ссора, перешедшая в драку, в ходе которой ему причинены легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья.

Из показаний потерпевшего Я. и свидетеля Ж. видно, что, возвращаясь со свадьбы, они спорили между собой. Проходивший рядом ранее не знакомый им Ш. стал выяснять причину ссоры и нуждается ли Ж. в помощи, не обижает ли ее Я. и не желает ли она уйти от него. На что Ж. никак не отреагировала, а между Я. и сделавшим ему замечание Ш. возникла ссора, закончившаяся дракой, в ходе которой Я. были причинены менее тяжкие телесные повреждения.

По заключению судебно-медицинского эксперта, потерпевшему Я. причинены менее тяжкие телесные повреждения, а Ш. – легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 24 марта 2005 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» субъективная сторона хулиганства выражается в виде умысла на грубое нарушение общественного порядка с мотивом явного неуважения к обществу. Причинение менее тяжких телесных повреждений во время ссоры не может рассматриваться как хулиганство, если эти действия не были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу. Доказательств, достаточных для вывода о наличии у Ш. умысла на совершение хулиганства, при досудебном производстве и в ходе судебного разбирательства не представлено. Таким образом, Ш. причинил телесные повреждения Я. не из хулиганских побуждений, а во время ссоры с ним. В силу необоснованности выводов приговор и кассационное определение были изменены, а действия Ш. переклассифицированы с ч. 2 ст. 339 на ч. 1 ст. 149 УК, как умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения [35].

В процессе квалификации преступления важным является понимание юридически значимых признаков конкретных видов преступлений. Закон достаточного основания имеет свое применение и в процессе понимания, усвоения правоприменителем смысла уголовно-правовой нормы (норм). Особое значение в этом случае имеет толкование норм высшей судебной инстанцией, которое обосновывает для нижестоящих судов квалификацию соответствующего преступления. Например, в следственно-судебной практике возникал вопрос о том, следует ли причинение смерти по неосторожности при умышленном нанесении тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта квалифицировать по ч. 3 ст. 147 УК. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь по данному вопросу дал разъяснение, согласно которому такие действия подлежат квалификации только по ст. 150 УК. Обоснована эта позиция была тем, что положения ст. 31 УК не предполагают какой-либо дополнительной квалификации за причинение смерти по неосторожности, если виновное лицо действовало в состоянии физиологического аффекта [36].

Представляется, что объективной предпосылкой для нарушения логического закона достаточного основания при квалификации пре-

ступления является несовершенство правового регулирования некоторых институтов уголовно-процессуального законодательства (процедура рассмотрения дел частного обвинения, сокращенный порядок судебного следствия и др.). Показательным в этом смысле является дело Ч.

Ч. был осужден по ч. 1 ст. 339 и ст. 186 УК. Ч. был обвинен в том, что, находясь возле дома Д. в состоянии алкогольного опьянения, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, металлическими граблями умышленно нанес два удара по боковым стеклам автомашины, принадлежащей сыну Д., разбил их, причинив тем самым имущественный ущерб. Кроме того, ранее, в это же утро, Ч., взяв в своем доме кухонный нож, преследовал находящегося на улице Д., размахивал перед ним ножом, угрожая убийством. Между тем материалы дела свидетельствовали о несколько ином варианте преступного поведения. Д., встретив на улице Ч., в присутствии Ш. предложил ему оплатить ранее привезенные дрова. Не соглашаясь с суммой оплаты, Ч. разозлился и начал ругаться с потерпевшим. Затем обвиняемый зашел в свой дом, взял со стола кухонный нож и направился к дому Д., при этом Ч. размахивал ножом в различных направлениях, кричал, что убьет последнего. После того как Д. скрылся в своем доме, Ч. не стал его преследовать, а, схватив лежащие на земле садовые грабли, разбил боковые стекла припаркованной рядом автомашины. Поскольку дело было рассмотрено с применением сокращенного порядка судебного следствия, суд фактически не выяснил действительные обстоятельства совершения преступления, а также направленность умысла обвиняемого и обоснованность квалификации преступных действий Ч. по совокупности преступлений. Однако в данной обстановке действия Ч. были объединены местом и временем их совершения, что свидетельствовало о едином умысле на совершение противоправных действий. Содеянное в этом случае должно было быть квалифицировано как особо злостное хулиганство (ч. 3 ст. 339 УК). Дополнительной квалификации за угрозу убийством (ст. 186 УК) в данном случае не требовалось [37, с. 35–36].

Необходимо отметить, что нарушение при квалификации преступления одного из рассматриваемых формально-логических законов, как правило, влечет ошибочное применение другого логического закона. К сожалению, такие ошибки допускаются на уровне высшей

судебной инстанции. Показательным является следующее уголовное дело:

По приговору суда Ш. был осужден за уклонение от уплаты налогов путем сокрытия и умышленного занижения прибыли и доходов, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 2 ст. 243 УК). В протесте заместителя Генерального прокурора был поставлен вопрос об изменении приговора, исходя из следующего: Ш. в одном случае действовал как частное лицо, а в другом – как должностное лицо, и между произошедшими событиями имеется значительный разрыв во времени, отличаются способы уклонения от уплаты налогов, что не свидетельствует о едином умысле на причинение ущерба. На этом основании в протесте был сделан вывод о том, что в данном случае имелось два самостоятельных эпизода, подлежащих квалификации по ч. 1 ст. 243 УК. Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь 5 декабря 2003 г. протест оставила без удовлетворения по следующим основаниям. Согласно правоположениям судебной практики под ущербом при уклонении от уплаты налогов надлежит понимать не величину самого объекта налогообложения, скрытого или заниженного виновным, а сумму налога, которую ему следовало уплатить. Как установлено материалами дела, Ш. при декларировании доходов, связанных с покупкой автомашины в 2000 г., представил в налоговую инспекцию расписки о займе денег у граждан на сумму 6 млн руб. Следствием и судом доказано, что указанных денег Ш. в долг не занимал, а получил эту сумму из неустановленных источников дохода. Однако указанную сумму сокрыл от налогообложения, чем причинил ущерб государству в размере 1 554 704 руб. Кроме того, Ш., будучи директором ООО «Селена», с октября 2001 г. по октябрь 2002 г. реализовал через сеть магазинов телевизоры, выручку от которых умышленно не отражал в бухгалтерском учете предприятия, причинив ущерб государству в виде неуплаты налога на добавленную стоимость в сумме 8 747 582 руб. и налога на прибыль на сумму 7 927 387 руб. Указанные действия свидетельствуют о том, что при покупке автомашины и при продаже телевизоров Ш. преследовал цель уклонения от уплаты налогов, т. е. действовал с прямым умыслом. Разрыв во времени правового значения не имеет, поскольку квалифицирующим признаком данного вида преступления является причинение ущерба. Общая сумма превышает особо крупный размер. Учитывая, что субъектом

преступления является как физическое, так и должностное лицо, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь сделала вывод о том, что содеянное Ш. было правильно квалифицировано судом по ч. 2 ст. 243 УК [38].

По данному уголовному делу нет сомнений в обоснованности выдвинутого судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь положения о том, что под ущербом при уклонении от уплаты налогов следовало понимать не величину самого объекта налогообложения, скрытого или заниженного виновным, а сумму налога, которую следовало уплатить Ш. Эта позиция судебной практики была закреплена в п. 11 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 13 марта 1997 г. № 5 «О практике применения судами законодательства по делам о сокрытии, занижении прибыли и доходов» [39, с. 6]. Данный подход в исчислении ущерба соответствует смыслу нормы, содержащейся в ст. 243 УК, и сохраняется до настоящего времени в судебной практике. Однако свой вывод судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда построила на подмене тезиса: наличие общей цели и прямого умысла на уклонение от уплаты налогов по двум эпизодам послужило основанием для суммирования неуплаченных налогов и констатации ущерба в особо крупном размере. Логическая ошибка в использовании закона тождества закономерно вызвала нарушения закона непротиворечия. Вывод судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда противоречит пониманию продолжаемого преступления, под которым в судебной практике и доктрине уголовного права понимают преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление [40, с. 48; 41; 42, с. 223]. В протесте правильно было обращено внимание на то, что способы уклонения в этом случае были разными, т. е. не тождественными. Кроме того, не учтена была и направленность умысла лица. По второму эпизоду виновный действовал не в своих личных интересах, а в интересах субъекта хозяйствования. Совокупность логических ошибок в конечном итоге привела к необоснованным выводам суда.

Заключение. Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Сущность формально-логического закона тождества при квалификации преступлений выражается в том, что в ходе предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде признаки

соответствующего вида преступления должны пониматься и интерпретироваться органом, ведущим уголовный процесс, однозначно. Недопустимо до конца производства по уголовному делу осуществлять подмену (замену) понятия или тезиса.

2. Закон непротиворечия действует при сопоставлении только *противоположных* суждений. При применении логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступления важно понимать, что противоположные суждения не могут быть вместе истинными, однако они могут быть *одновременно ложными*.

3. Закон исключенного третьего распространяется только на *противоречивые* суждения. Для практики квалификации преступлений значение этого закона состоит в том, что он устанавливает для органа, ведущего уголовный процесс, в рамках расследуемого или рассматриваемого уголовного дела определенные интеллектуальные пределы, в которых возможен поиск объективной истины. Эта истина заключена в одном из двух отрицающих друг друга суждениях. Проверка подлинности этих суждений позволяет выбрать правильное суждение, которое должно быть отражено в квалификации преступления.

4. Практическое значение логического закона достаточного основания при квалификации преступлений заключается в том, что в основу вывода об уголовно-правовой оценке совершенного преступления могут быть положены только те фактические обстоятельства, совокупность которых необходима и достаточна для констатации соответствующего вида преступления. Требования закона достаточного основания, трансформированные в положениях уголовно-процессуальных норм о необходимости доказанности, обоснованности и мотивированности выносимых процессуальных решений, приобретают методологическое значение в процессе квалификации преступлений.

5. Действие формально-логических законов проявляется не только при установлении и оценке фактических обстоятельств дела, но и в процессе понимания юридически значимых признаков конкретных видов преступлений, описанных в соответствующей уголовно-правовой норме. Особое значение в таких случаях имеет судебное толкование норм.

6. Формально-логические законы взаимодействуют друг с другом. Нарушение при квалификации преступления одного из рассматриваемых формально-логических законов, как правило, влечет ошибочное применение другого логического закона.

7. Сами по себе формально-логические законы не позволяют нам в процессе квалификации преступления определить, какие конкретно основания для соответствующего вывода являются достаточными, какое именно из двух противоположных или противоречивых суждений, формулирующих обвинение, истинно. Однако эти законы объясняют недопустимость подмены понятий в процессе квалификации преступления; исключают совмещение обстоятельств, свидетельствующих о разных несовместимых явлениях; определяют рамки, в пределах которых может быть установлено объективно истинное суждение; они дисциплинируют наше мышление, направляя его на поиск достаточных оснований, которые обеспечивают обоснованность вывода о квалификации содеянного.

Список использованных источников

1. *Кириллов, В. И.* Логика / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М.: Юрист, 1996. – 256 с.
2. *Старченко, А. А.* Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. – М.: Госюриздат, 1958. – 176 с.
3. *Строгович, М. С.* Логика / М. С. Строгович. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 368 с.
4. *Кудрявцев, В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. – 324 с.
5. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.
6. *Новиченко, А. С.* Логико-методологические основы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Новиченко. – М., 1977. – 21 с.
7. *Левицкий, Г. А.* Квалификация преступлений / Г. А. Левицкий. – М., 1981. – 48 с.
8. *Кожемякин, Б. А.* Логические основы квалификации преступлений / Б. А. Кожемякин, А. А. Тер-Акопов. – М.: Юрид. лит., 1987. – 111 с.
9. *Соковых, Ю. Ю.* Информационные основы квалификации преступлений: учеб. пособие / Ю. Ю. Соковых. – М.: Юринфо, 1996. – 200 с.
10. *Тер-Акопов, А. А.* Юридическая логика: учеб. пособие. – 2-е изд., стереотип. / А. А. Тер-Акопов. – М.: Изд-во ОМЕГА-Л, 2006. – 256 с.
11. *Корнеева, А. В.* Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / А. В. Корнеева. – М.: ТК Велби, 2006. – 176 с.
12. *Наумов, А. В.* Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрид. лит., 1978. – 104 с.

13. *Казгериева, Э. В.* Логические ошибки судебного правоприменения / Э. В. Казгериева // Российский судья. – 2005. – № 12. – С. 9–12.

14. *Аристотель.* Сочинения / Аристотель // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1975–1976. – Т. 1: Метафизика. – 550 с.

15. *Логика: учебник для вузов / под общ. ред. В. Ф. Беркова.* – 7-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 416 с.

16. *Малыхина, И. И.* Логика: учеб. пособие / И. И. Малыхина. – 4-е изд., испр. – Минск: Вышэйш. шк., 2007. – 240 с.

17. *Никифоров, А. Л.* Логика / А. Л. Никифоров. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2001. – 224 с.

18. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами (ст. ст. 327–332 УК) (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2003. – № 2. – С. 42–47.

19. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. ст. 327–334 УК): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1: с изм. и доп.: текст по состоянию на 3 апр. 2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск 2009.

20. Постановление президиума областного суда (извлечение) // Судовы веснік. – 2003. – № 3. – С. 36.

21. *Андреев, И. Д.* Проблемы логики и методологии познания / И. Д. Андреев. – М.: Наука, 1972. – 320 с.

22. *Демидов, И. В.* Логика: учеб. пособие для юрид. факультетов / И. В. Демидов; под ред. Б. И. Каверина. – М.: Юриспруденция, 2000. – 208 с.

23. *Иванов, Е. А.* Логика: учебник для студентов юрид. вузов / Е. А. Иванов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 416 с.

24. *Курбатов, В. И.* Логика для юристов: учеб. пособие / В. И. Курбатов. – М.: «Дашков и К°», 2007. – 480 с.

25. *Бартон, В. И.* Логика: учеб. пособие / В. И. Бартон. – 3-е изд., перераб. – Минск: Новое знание, 2008. – 363 с.

26. *Светлов, В. А.* Практическая логика: учеб. пособие / В. А. Светлов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Росток, 2003. – 688 с.

27. *Толкаченко, А. А.* Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / А. А. Толкаченко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. – 128 с.

28. *Гетманова, А. Д.* Логика для юристов: учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Гетманова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Омега-Л, 2007. – 424 с.

29. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. ст. 327–334 УК) (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2007. – № 1. – С. 37–40.

30. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) (по материалам обзора судебной практики) // Судовы веснік. – 2003. – № 1. – С. 44–47.

31. Определение военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Судовы веснік. – 2001. – № 1. – С. 45–46.

32. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК) (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2006. – № 2. – С. 32–37.

33. О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 14 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

34. О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса, регулирующих кассационное производство: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 27 сент. 2007 г., № 12 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

35. Постановление президиума Минского городского суда (извлечение) // Судовы веснік. – 2007. – № 1. – С. 32.

36. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

37. О судебной практике по делам о хулиганстве (ст. 339 УК) (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2005. – № 2. – С. 35–40.

38. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Судовы веснік. – 2004. – № 1. – С. 30.

39. О практике применения судами законодательства по делам о сокрытии, занижении прибыли и доходов: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 13 марта 1997 г., № 5 // Судовы веснік. – 1997. – № 2. – С. 5–6.

40. Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: постановление Пленума Верховного Суда СССР, 4 марта 1929 г. // Судебная практика по уголовным делам: в 2 ч. Ч. 1: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации / сост. С. А. Подгуров. – М.: Экзамен, 2001. – С. 47–49.

41. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15; по сост. на 27 сент. 2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

42. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.